

Слово, произнесенное на св. Голгофѣ въ Иерусалимѣ 18 апрѣля
1880 г. при обношеніи плащаницы.

Отче! отпусти имъ: не видѣль бо, что творять.

✠ Когда выходишь на сіе всечестное и покланяемое мѣсто, обыкновенно прежде всего ищешь взоромъ того, что дало ему такую всемирную извѣстность, — *Креста Христова*, и изображеніе крестное дѣйствительно прежде всего представляется взору. Много было бы сказать, что оно имѣетъ совершенно тотъ самый видъ, въ какомъ зрѣлся въ приснопамятный и присноплачевный день, стоявшій на его мѣстѣ, истинный крестъ, но несомнѣнно, что образъ того и другого въ существѣ — одинъ и тотъ же. Отъ глубочайшей, благоговѣйной приверженности нашей къ знаменію спасенія нашего мы не можемъ, не хотимъ и даже не сумѣемъ видѣть въ немъ, бывшее когда-то, страшное и ненавистное орудіе казни, измышленное какъ бы нарочно для самыхъ безстрашныхъ, неукротимыхъ злодѣевъ, — къ чести челоуѣчества давно уже вышедшее изъ употребленія, какъ напрасная жестокость. } Кому неизвѣстна строжайшая издovодятельность еврейскаго правосудія? *Око за око, зубъ за зубъ и смерть за смерть...* Такъ оно гласило! Крестъ какъ разъ подошолъ къ нему. Отъ имени Божественнаго судилища имъ и чрезъ него какъ бы говорилось преступнику: ты не чтилъ никого и позорилъ всѣхъ, — вотъ виси голый на позоръ всѣмъ! Ты билъ, грабилъ, кралъ, уничтожалъ потребное, писалъ не нужное... вотъ твои обидливыя руки прибиты гвоздями! Ты гнался за беззащитнымъ, попиралъ слабого, убѣгалъ отъ суда и кары... вотъ помогавшая тебѣ земля ушла изъ-подъ ногъ твоихъ! Ты давалъ волю своему языку лгать, клеветать, надѣваться, хулить... вотъ уста твои, занекшіяся

кровию, вносять одни стоны и тщетныя мольбы! Ты наконецъ отнималъ жизнь у подобнаго себѣ, на которую не имѣлъ никакого права, то неожиданно поражая его, то долго и безжалостно терзая... воть умирай самъ, но такъ, что прежде смерти тысячекратно прокляни жизнь! Расправа ужасная! Но, такъ оно — по суду не предзятой совѣсти! *Судъ безъ милости не сотворимъ милости!*

* Даковъ, честные поклонники Честнаго Креста, первоначальный смыслъ его! Какъ же? Кѣмъ? За что? На что и почему приѣзженъ былъ онъ Тишайшему, Сладчайшему, Блажайшему, Праведнѣйшему изъ рода нашего?.. Напрасно Онъ Самъ сталъ бы вопрошать: кого обидѣли Мои руки? За кѣмъ устремлялись на погубель Мои ноги? Кого злословили Мои уста? Кому пожелалъ Я стыда и позора? И на чью когда посягнулъ Я жизнь?.. Но если не Его самого, безмятежно *въ руку Отца предавшаго духъ Свой*, то стекшуюся на позоръ Его толпу, *видѣвшую бываемая и бывшую свои перси*, вопросы эти волновали несомнѣнно. И думаемъ, что чѣмъ кто выше стоялъ на дѣтвицѣ общественнаго служенія, тѣмъ рѣче должна была казаться ему вопіющая неправда дѣла, а самый высшій сановникъ, Игемонъ, былъ, какъ извѣстно, въ крайнемъ замѣшательствѣ во все время судебного допроса и противорѣчилъ себѣ поминутно. Что же такое случилось? Объясненіе даетъ Самъ, ставшій жертвою случая, — Агнецъ Божій, взявшаи грѣхи міра, — наша новая Пасха, наша жертва живая: *Отче! отпусти имъ*, глашаетъ она, *не видятъ бо что творятъ!*

Въ Братія христіанцы! Съ тѣхъ поръ, какъ произнесены были сіи слова, полныя богословственнаго смысла, они повторяются у насъ кстати и не кстати, и вправду и въ посмѣхъ правдѣ, и отъ туги сердечной и отъ празднаго „языкоболія“. и тѣмъ, кто подходитъ къ положенію закалаемой жертвы, и тѣмъ, чья рука поднята къ закланію и ищетъ жертвы... У креста сего, знаменующаго собою высокую, неуомлимую правду и вмѣстѣ глубокую милующую любовь — божественную, было бы недостаткомъ и правды и любви съ нашей стороны, если бы мы не остановились всѣмъ сосредоточеннымъ вниманіемъ на Господнемъ изреченіи, приписывающемъ наибольшее зло наименьшей винѣ.

.. Не видятъ бо что творятъ... Не подобно быть богословомъ, чтобы согласиться съ тѣмъ, что распинавшіе Христа Спасителя, — воплощенную *Божію Силу и Божію Премудрость*, творили на сечь, знаменательно-любномъ, мѣстѣ то, чего не разумѣлъ, прикрываемый соименною частию головы, ихъ слабый умъ. Засвидѣтельствовавъ это прямо и положительно Апостоль, вѣрный истолкователь Голго夫скаго событія: *аще быши разумѣли, не быши Господа славы распяли*, говорить онъ (1 Кор. II, 8). Виповнымъ въ смерти *Господа славы* такимъ образомъ обазывается именно оно — невѣдѣніе или *неразумнѣе*, столько извинительное на общемъ судѣ человѣческомъ всѣхъ время и мѣсть. По взгляду сему, плачевнѣйшее въ исторіи рода нашего происшествіе не представлялось бы окончательно безчеловѣчнымъ дѣломъ. Но не скроемъ отъ себя, что подобно быть Богомъ, чтобы смотрѣть на него именно такъ и находить ему оправданіе въ *невѣдѣніи*. Пусть *не видѣли, что творили* злыя орудія всеблагаго смотрѣнія божественнаго, тѣмъ не менѣе они творили зло, изъ котораго, помимо ихъ, истекало благо. Во власти Бога конечно отпустить имъ ихъ вину невѣдѣнія, по мольбѣ безвинно пострадавшаго, но нашъ человѣческій судъ, руководимый самимъ же Евангеліемъ, долженъ видѣть въ невѣдѣніи сечь прямое и сознательное отрицаніе правды, — *противленіе Духу Святому* (Дѣян. VII, 51), — *хуленіе Св. Духа* (Мат. XII, 32), которому *нѣтъ отпущенія ни въ сечь ни въ будущемъ вѣкѣ*, по слову самого Господа. Ибо допустимъ, ученики креста, что всякій, кто невѣдаетъ творимаго имъ, творить дѣло, достойное прощенія, въ какой мракъ неправосудія (и прямо — безсудія) и общественнаго нестроенія зайдемъ мы съ такимъ правиломъ? Припомнимъ слово Христово *о сынахъ вѣка и сынахъ свѣта*. Послѣднихъ всегда ничтожное меньшинство въ сравненіи съ первыми, и дивно ли потому, что случаи оправдывающаго невѣдѣнія будутъ возникать повсюду, и безнаказаннымъ можетъ остаться самое вопіющее объ отпущеніи дѣло. Въ комъ или въ чемъ, въ данномъ случаѣ, нельзя усмотрѣть оправдывающей доли невѣдѣнія? Всевѣдѣнъ — одинъ Богъ, съумѣетъ сказать *сынъ вѣка*, а человѣкъ, по ограниченности своего ума, по недостатку столько любимаго вѣкомъ развитія, по неблаго-

пріятнымъ условіямъ своего общественнаго положенія, по болѣзненному состоянію тѣла, по разстройству душевныхъ способностей, по тысячѣ другихъ причинъ, всегда можетъ быть включенъ въ рядъ *невѣдающихъ что творятъ*, и затѣмъ?... рушатся всѣ основы правосудія, на которыхъ зиждется человѣческое общество, а мольба Началоположника христіанскаго жительствова объ отпущеніи распинателямъ вины распятія обратится въ законъ отпущенія всякому злодѣю всякаго злодѣянія! Ученикамъ и подражателямъ Распятого, молившагося за распинателей, не надобно забывать, что мы живемъ въ другое время, — во время, когда Кресту и Евангелію ставятъ въ вину ихъ же самихъ, — ихъ несовременность, ихъ научную отсталость, ихъ усобный характеръ, мечтательность, случайность и пр. и пр. до того, что легіоны *сыновъ вѣка* не задумаются о нихъ самихъ послѣдовательно сказать: *не вѣдаютъ, что творятъ!*

Братія и попреимуществу братія-соотечественники! Гдѣ, какъ не у спасительнаго креста сего, какъ не на самомъ семь мѣстѣ, гдѣ слышался тихій укоръ невѣднію, исповѣдать намъ жгучую боль своего сердца, — сердца, исторически, отъ временъ древнихъ, благопокорливаго, благочестиваго, правдиваго, на всякое дѣло благо пригоднаго и готоваго, — заставляемаго теперь какимъ-то темнымъ наученіемъ *творити* по истинѣ *неподобная*, т. е. не подобное ни чему, что пережила Россія за тысячу лѣтъ своего существованія. Вѣдь и у насъ что-то *творится*, что *вдается* весьма немногими, которые сами себѣ и отпущаютъ то, что творятъ. Что это въ самомъ дѣлѣ такое? Вѣдніе или невѣдніе? Нисколько не уменьшая значенія происходящаго у насъ, мы склонны отнести его прямо къ *невѣднію*, но невѣднію такому, о какомъ только что разсуждали. Можетъ быть и оно, какъ прегорестное дѣло Голгооское, есть необходимость въ какомънибудь высшемъ смыслѣ, — въ смыслѣ напр. наказанія, за которымъ слѣдуетъ помилованіе, и слѣд. есть плодъ личнаго невѣднія, притязающаго затѣмъ конечно и на невѣщеніе, тѣмъ не менѣе, какъ мы уже и замѣтили, оно есть воззвннительное рѣшеніе злой воли, подсудное всѣмъ человѣческимъ законамъ, какъ бы они ни были слабы и извращены. Изсмотрите тщательно и вы откроете въ

подобномъ невѣдѣніи безчисленныя степени или стороны подсудности и виновности. Невѣдѣніе есть и незнаніе, и неразуміе, и невниманіе, и несочувствіе, и безчувствіе, и упорство, и увлеченіе, и ослѣпленіе и ожесточеніе, софизмъ, фанатизмъ и невѣсть какая еще другая, многочастная и многообразная характеристика *сыновъ вѣка*. И ужели на всю эту свору грызущихъ нашу честь, добродѣтель, самую жизнь, *исовъ многихъ*—по писавію (Пс. XXI, 17), должно простираться всепрощающее слово кротчайшаго Закопозоложника: *Отче! отпусти имъ: не вѣдаютъ бо, что творятъ?* Какъ? и Аппы съ Каіафами, *зависти ради предлющіе* на смерть неповиннаго, должны быть помилованы? и фарисей съ книжниками прежніе и нынѣшніе—отстаивающіе честь и славу *своею* вѣрованія божьями, лжами, подкопами, подводами, должны быть признаны неповинными и чуть не достойными хвалы за свою ревность и за свою идею? и *Пилаты*, не допросившіеся того, *что есть истина*, боящіеся обвиненія въ измѣнѣ своему кесарю и умывающіе всенародно свои кровавыя руки въ неспричастной ихъ словамъ и дѣламъ водѣ, тоже должны быть оправданы и пожалуй даже причтены къ образцовымъ чиновникамъ? и *Иуды злочестивые*, въ омраченіи отъ недуга сребролюбія лобызаящіе возненавидѣннаго учителя и благодѣтеля, должны быть признаны отъ услужливыхъ экспертовъ *вѣка* неподсудными ничему, и можетъ быть еще заслужить похвалу за свое умѣнье вести дѣла? И *воини*, спокойно у подножія креста дѣлящіе одежды Распятаго и подсмѣивающіеся *князьямъ* и *старцамъ* надъ Его безсиліемъ, по несочувствію ничему, что не входитъ въ ихъ кругъ службы, должны быть отнесены къ числу честныхъ и добросовѣстныхъ исполнителей своего дѣла? и *все* наконецъ *мимоходящии*, покиваящіе главами и кричащіе не зная кому и за что: *уа!* должны быть чуть не воспѣты за свой патріотизмъ и за свое горячее сочувствіе общему дѣлу? Не это ли все должно влечь за собою оправдательное значеніе невѣдѣнія? Вѣдь всё тѣ историческія имена были люди *невѣдѣвшіе, что творятъ*.

Нѣтъ, христолюбцы братія! ни что, ни самая мольба Христова о прощеніи убивавшихъ Его по невѣдѣнію, не въ состояніи пово-

лежать въ насъ глубокаго убѣжденія, что какъ распинавшіе Господа славы были злодѣи, хорошо, вѣдѣвшіе, что творять умышленное зло, такъ и всѣ ихъ вольные и невольные, тайные и явные, подражатели то же заслуживаютъ имя. Невѣдѣніе ихъ настолько же не извиняетъ ихъ, насколько не извиняетъ и не вѣсть откуда увѣдѣнное ими призваніе ихъ совершить что-то особенное, великое, роковое, долженствующее пролить новый свѣтъ, внести новое благо, установить новый порядокъ, — предметы, на которые не рѣшались ни Пилатъ, ни Каіафа, ни — несвятая душа — Іуда! Не будемъ льстить себя. Тѣ же пречистыя, судительныя уста, которыя благостно говорили на семь мѣстъ: *Отче! отпусти имъ: не вѣдаютъ бо, что творятъ*, грозно изрекли объ одномъ изъ вѣдѣвшихъ невѣдцевъ и слѣдующее: *горе человеку тому, имъ же Сынъ Человѣческій предастся. Добрые было бы ему, аще не бы родился человекъ той* (Марк. XIV, 21). Аминь.

А. Антоинъ.